

На правах рукописи

Житникова Мария Лукинична

**ДОМ КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ НАРОДНОГО МИРОВИДЕНИЯ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Татьяна Борисовна Банкова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Людмила Ивановна Шелепова

кандидат филологических наук, доцент
Инна Витальевна Тубалова

Ведущая организация: ГОУ ВПО
«Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 14 февраля 2007 г. в __ ч. __ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан __ января 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

 Л.А. Захарова

Реферируемая диссертационная работа посвящена описанию базового понятия народного мировидения *дом* в лингвокультурологическом аспекте.

Общая характеристика работы

Ориентация современных научных изысканий на человеческий фактор обусловила активизацию внимания к человеку и его связям с обществом ряда не только гуманитарных, но и естественных наук. Так, одной из центральных проблем, решающихся в русле антропоцентрических исследований, является проблема *человек – культура*, многоаспектность которой продуцирует специфику подхода к ее разработке каждой из наук, занимающихся рассмотрением данной диады.

«Мысль о том, что язык – зеркало народной культуры, отражение народной психологии и философии, что единица языка обладает культурно-национальной спецификой, являясь вместилищем информации о материальной, социальной, духовной культуре языковой общности» (Т.Б. Банкова, 1998), спровоцировала рост интереса к заданной проблеме со стороны лингвистики, где диада *человек – культура* достраивается до триады *человек – язык – культура* и активно разрабатывается в нескольких направлениях (когнитивная лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология и др.).

Настоящее исследование находится в рамках лингвокультурологии, представляющей достояние «собственно антропологической парадигмы науки о человеке» (В.Н. Телия, 1996), являющейся одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики, интегрирующей достижения не только смежных лингвистических, но и комплекса других гуманитарных наук при анализе системы языка как кумуляции особенностей мировидения той или иной лингвокультурной общности.

Большинство лингвокультурологических работ выполнено на материале литературного языка и характеризует элитарную культуру (Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В.В. Воробьев, Н.Н. Бочегова, В.Н. Телия, Н.Л. Чулкина и др.). Однако в настоящее время отмечается расширение зоны исследовательских интересов, что продуцирует обращение лингвокультурологов к диалектному материалу как репрезентанту народной культуры (Н.И. Толстой, Е.А. Юрина). За лексической единицей диалектного языка закреплено особое культурное значение, в котором отражены особенности крестьянского мировосприятия (О.И. Блинова, В.А. Малышева, О.А. Новоселова, Е.А. Оглезнева, М.О. Сорокина, Л.Н. Храмцова и др.). Исследователи отмечают, что территориальная ограниченность материала способствует вычленению культурной информации, стоящей за языковой единицей. «Этнокультурное своеобразие тех или иных языковых единиц ярче всего высвечивается на региональном языковом материале, когда этническое тесно переплетается с локально ограниченным, что с максимальной точностью позволяет проследить процесс формирования языкового знака, его обусловленность конкретными фактами культуры и

истории данного народа – носителя диалекта» (Когнитивно-дискурсивные..., 2004)¹.

Данное исследование проводится на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья, исследуемых представителями Томской диалектологической школы в различных направлениях (теоретико-методологическом, лексикографическом, лексикологическом, мотивологическом, словообразовательном, топонимическом, лингвоисториколингвистическом, лингвокультурологическом, когнитивном, метафорологическом, персонологическом)². Диалектная лингвокультурология активно развивается с 90-х гг., в ее рамках в настоящее время сложилось несколько течений: онтологические вопросы лингвокультурологии, народная речевая культура, метафорология, источниковедческая база диалектной лингвокультурологии, словари лингвокультурологического типа (Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, Г.В. Калиткина, Н.В. Курикова, З.И. Резанова, А.Н. Серебренникова, Е.А. Юрина и др.).

Настоящая работа органично входит в проблемное поле онтологического направления диалектной лингвокультурологии и лингвокультурологической науки вообще, где при всем многообразии исследований в области теории и методологии на сегодняшний день нет единого мнения о критериях выделения культуроспецифических единиц, о методике их анализа и способах реализации в них культурной информации (С.В. Иванова, Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова, А.Т. Хроленко и др.).

Единицей исследования в работе является диалектное слово, обладающее культурной коннотацией. Призмой подхода к лексической системе диалекта как репрезентанту народной культуры является базовое понятие народного мировидения *дом*, описываемое с позиции лингвокультурологии.

Такие базовые понятия, как *время, война, душа, жизнь, красивое, праздник, путь, смерть, честь, чистота*, становились объектом описания в работах Т.Б. Банковой, Л.Г. Гынгазовой, Т.А. Демешкиной, Г.В. Калиткиной, выполненных на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Выбор понятия *дом* в качестве объекта анализа в настоящей работе продолжает исследование базовых понятий на диалектном материале, с одной стороны, и впервые в их число вводит конкретное существительное, обозначающее бытовую реалию – с другой.

Таким образом, на **актуальность** исследования указывает следующее:

1) лингвокультурологический аспект исследования обуславливает включенность данной работы в проблемную зону *человек – язык – культура*, разра-

---

¹ Все сказанное определяет рассмотрение в настоящей работе *диалектного слова* как знака традиционной культуры, как кумуляции культурного опыта сибирских крестьян. При этом корпус анализируемых единиц охватывает всю лексику говоров независимо от ее системной принадлежности.

² См. Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 392 с.

батывающуюся комплексом наук, развивающихся в рамках антропоцентрической парадигмы;

2) говоры как кристаллизация народного мировидения в настоящее время являются мощной базой для проведения лингвокультурологических исследований. Кроме того, интерес к изучению диалектной лексики обусловлен не только ее культурологической ценностью, но и стремлением сохранить диалект как одну из форм национального языка, разрушающуюся под действием современных миграционных процессов;

3) настоящее исследование продолжает традиции лингвокультурологического направления Томской диалектологической школы, вносит вклад в формирование и уточнение теоретического инструментария науки (лингвокультурологический комментарий, обрядовое слово и др.);

4) представленный опыт определения критериев отбора и разработки методики лингвокультурологического описания культурного компонента значения диалектного слова обусловлен необходимостью изучения культуроспецифичных единиц, способов хранения и трансляции в них культурной информации;

5) выбор понятия *дом* в качестве объекта описания продолжает линию исследования сущностных для народной культуры сфер и представляется перспективным в плане выявления конституирующих мировоззренческих ориентиров и ценностных позиций диалектоносителей.

Объект исследования – лексические единицы (далее ЛЕ), репрезентирующие понятие *дом* в русских старожильческих говорах Среднего Приобья.

Предмет исследования – культурные коннотации, объективированные в системе ЛЕ, являющихся словесной фиксацией бытовых и сакральных представлений о *доме*.

Цель исследования – описание в лингвокультурологическом аспекте базового понятия народного мировидения *дом*.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1) обосновать выделение понятия *дом* в качестве одного из базовых в народном мировидении;

2) разработать методику лингвокультурологического описания ЛЕ, относящихся к понятию *дом*;

3) выявить представления о *доме* в народной культуре на основе анализа бытовой лексики, номинирующей виды *дома* и характеризующей его по разным основаниям;

4) выявить представления о *доме* в народной культуре на основе анализа обрядовой лексики, номинирующей обрядовые локусы, внешние и внутренние границы *дома*, его вещный мир.

Исследование выполнено на **материале** русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

В качестве **источников** использованы:

А) рукописные: картотека «Вершининского словаря», материалы диалектологических экспедиций филологического факультета Томского государственного университета (1946-2000 гг.), материалы фольклорных экспедиций филоло-

гического факультета Томского государственного университета (1946-2000 гг.) (хранятся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии и на кафедре общего литературоведения филологического факультета Томского государственного университета);

Б) опубликованные: «Вершининский словарь» (1998-2002) (далее ВС), «Полный словарь сибирского говора» (1992-1995), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964-1967), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)» (1975), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (1983-1986).

Материал насчитывает более 2300 контекстов, фиксирующих языковые репрезентации понятия *дом*.

Основным **методом** исследования является описательный, реализуемый в приемах сплошной выборки, интроспекции, интерпретации, классификации, систематизации материала; приемы дефиниционного и контекстного анализа, лингвокультурологического комментария.

Научная новизна.

Впервые на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья проводится описание базового понятия народного мировидения *дом* в лингвокультурологическом аспекте.

1. В научный оборот введен лексический фонд говоров Среднего Приобья, ранее не исследуемый в аспекте выявления культурной составляющей языковых репрезентаций понятия *дом*.

2. Определены критерии отбора и принципы лингвокультурологического описания ЛЕ среднеобских говоров, репрезентирующих понятие *дом*.

3. Впервые комплексному лингвокультурологическому описанию подвергается обрядовая лексика говоров Среднего Приобья.

4. Разработана и апробирована методика лингвокультурологического комментария к обрядовому слову в аспекте выявления особенностей репрезентации понятия *дом*.

5. Произведена классификация бытовых и обрядовых диалектных слов, репрезентирующих понятие *дом*, эксплицирующая их культурную составляющую.

6. Впервые на основе комплексного лингвокультурологического описания бытовой и обрядовой лексики выявлена совокупность представлений о *доме* в народном мировидении, эксплицирующая его материальную, духовную, сакральную значимость.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие теории лингвокультурологии. Разработанный в исследовании понятийный аппарат и апробированная методика дополняют сложившуюся практику лингвокультурологического описания ЛЕ и могут быть использованы для анализа других языковых явлений в данном аспекте.

Представление понятия *дом* в качестве одного из базовых в народном мировидении, конституирующих систему мировоззренческих координат сибирских крестьян, вносит вклад в изучение лексического фонда русских старожильческих говоров Среднего Приобья и культуры их носителей.

Практическая значимость. Собранный материал и полученные в ходе исследования результаты могут использоваться *в научно-учебной сфере*: 1) при чтении спецкурсов (актуальные проблемы диалектной лингвокультурологии, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, феномен обрядового текста); 2) в преподавании специальных дисциплин (диалектология, русский язык и культура речи, русский язык как иностранный), *в лексикографической практике* при составлении различных видов лингвокультурологических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Описание понятия *дом* можно представить как процесс лингвокультурологической интерпретации репрезентирующих его ЛЕ.

2. Лингвокультурологическое описание бытовой лексики эксплицирует представления о *доме* не только как о материальной ценности, но и как о духовной основе жизни сибирских крестьян.

3. Лингвокультурологическое описание обрядовой лексики эксплицирует представления о *доме* как о сакральном пространстве (с минимумом субъектов, предметов, действий при их максимальной функциональности и космологизированности), обладающем функцией прогнозирования материального и духовного «фундамента» «своего» будущего *дома* и жизни в нем.

4. *Дом* представляет собой базовое понятие народного мировидения. Оно включает в себя представления не только о жилище человека, но и о семье, о хозяйстве, о работе, о жизни, о смерти, о народе, о связи поколений, т.е. охватывает всю сферу бытования человека. *Дом* являет собой модель мира, соединяющую материальное и духовное, бытовое и сакральное, выстраивающую отношения человека к социуму и к самому себе, несущую функции этической, эстетической оценки действительности.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на конференциях различного уровня: Всероссийской междисциплинарной школе молодых ученых «Картина мира: модели, методы, концепты» (Томск, 2001), Региональной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука. Техника. Инновации» (Новосибирск, 2002-2003), Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2002, 2005), Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2002-2006), Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2003-2006), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2004» (Москва, 2004), X юбилейной международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2005» (Санкт-Петербург, 2005), XVIII Международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2005), XV Духовно – исторических Чтениях памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия «Вызовы времени и православные традиции» (Томск, 2005), Международной научной конференции «Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, 2005), Международной научной конференции «Наука и образование» (Белово, 2006).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор и актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи работы, выделяется объект и предмет изучения, характеризуются материал и методы его исследования, определяется научная новизна, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Лингвокультурологический аспект исследования диалектной лексики»** определяются теоретические основы работы. В разделе **1.1. «Лингвокультурология как новое направление современной лингвистики»** рассматриваются и обобщаются современные тенденции определения статуса лингвокультурологии и ее места в ряду других гуманитарных дисциплин, занимающихся решением проблемы *человек – язык – культура*. В разделе **1.2. «Базовые понятия в системе единиц лингвокультурологического исследования»** дается характеристика подходов к вопросу выделения единиц лингвокультурологических исследований.

Лингвокультурология принадлежит к числу ведущих направлений современной лингвистики, развивающихся в русле антропоцентрической парадигмы. Становление данного направления связано с именами таких отечественных исследователей, как В.В. Воробьев, В.А. Маслова, С.А. Кошарная, В.Н. Телия и др., в работах которых заложены теоретические основы лингвокультурологической науки.

В настоящее время существует значительный объем научной литературы, посвященной решению вопросов теории и методологии лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений, а также предлагающей конкретные методики исследования различных единиц языка (Т.Б. Банкова, А. Вежбицкая, Т.В. Евсюкова, С.В. Иванова, Г.В. Калиткина, А.Н. Серебренникова, А.Т. Хроленко, Н.Л. Чулкина, Е.А. Юрина и др.). Однако многочисленность работ, вносящих несомненный вклад в развитие науки, не отменяет появление новых аспектов, требующих теоретического и практического разрешения. Так, в центре лингвокультурологических штудий оказываются вопросы определения статуса лингвокультурологии, выделения объекта и предмета, разработки критериев отбора единиц и методов их исследования, а также ряд других вопросов, «являющихся «болезнями роста» новой области научного знания» (С.В. Иванова, 2004).

В большинстве современных работ данная проблематика освещается в трех ракурсах: общий анализ соотношения лингвокультурологии и ряда смежных наук (лингвокультуроведение, лингвострановедение, социолингвистика и др.), отдельное рассмотрение соотношения лингвокультурологии и этнолингвистики, лингвокультурологии и лингвокогнитологии. Несмотря на разницу в определении места лингвокультурологии в системе смежных дисциплин, общим в

ряде исследований является признание ее интегративности (В.В. Воробьев, С.А. Кошарная, В.А. Маслова, В.Н. Телия, В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян, Л.Н. Чумак и др.). Лингвокультурология синтезирует достижения не только смежных лингвистических наук, но и ряда гуманитарных и естественных, что обуславливает использование в настоящей работе при анализе языковых явлений инструментария других лингвистических дисциплин, а также привлечения данных этнографии, философии и культурологии.

Статус лингвокультурологии как дисциплины, выявляющей способы фиксации, хранения и трансляции культурной информации в языковом коде, провоцирует вопрос о единицах исследования³, все многообразие точек зрения в решении которого можно свести к двум подходам: 1) культуроспецифичностью характеризуются *единицы лексического уровня* языка (А. Вежицкая, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.); 2) культурной маркированностью обладают *единицы всех уровней* языка (С.В. Иванова, Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова, Л.Н. Чумак и др.).

Однако выделение в качестве культуроспецифичных только единиц, относящихся к лексическому уровню, находит критику во многих современных работах по теории лингвокультурологии. Во-первых, «здание списком» возможных единиц исследования оставляет «за кадром» массив культурноинформативного материала, во-вторых, концентрация на ЛЕ сужает границы самой лингвокультурологии (Н.Н. Бочегова, С.В. Иванова, Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова).

Так, сторонники второго подхода утверждают, что каждая единица языка обладает культурной маркированностью. Единицы с прямономинативным значением, единицы морфологического и синтаксического уровней несут в себе не меньший запас культурной информации, чем метафоры, фразеологизмы, паремии и т.п. Для полноценного анализа таких единиц необходима разработка и апробация других методов исследовательской обработки, способствующей выявлению культурного компонента значения.

Однако в настоящее время наиболее изученным в плане репрезентации культурной информации остается лексический уровень языковой системы. Анализ же единиц фонетического, морфологического, синтаксического уровней носит дополнительный характер при исследовании лексических явлений.

Кроме того, самостоятельной единицей лингвокультурологического исследования может быть транслирующая культурную информацию составляющая семантики слова, которая обозначается в лингвистике разными учеными как *культурная коннотация*, *национально-культурный компонент значения*, *ассоциативно-культурный фон*, *культурологическая компонента значения слова* и т.п.

Единица исследования данной работы – диалектное слово, обладающее культурной коннотацией, под которой, вслед за В.Н. Телия (1996), понимается «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых существей (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который

---

³ Более подробно обзор единиц исследования лингвокультурологии см. С.В. Иванова (2004), В.И. Карасик (2004), В.А. Маслова (2001) и др.

дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формы и т.п.». По мнению исследователя, культурная коннотация является средством трансляции культурной информации и выполняет роль медиатора между языковым и культурным кодами.

Возникновение культурно значимых смыслов обусловлено ассоциативной природой коннотации. Диалектное слово «проходит» сквозь сетку представлений о действительности, отображающих обиходно-эмпирический, исторический, духовный, т.е. культурный опыт той или иной лингвокультурной общности и, «обрастая» культурным значением, становится «нишей», кумулирующей народное мировидение.

Анализ существующей литературы показывает, что в большинстве работ за анализируемой ЛЕ стоит существительное, обозначающее абстрактное понятие: Е.Л. Березович (*живой*), А. Вежбицкая (*судьба, тоска, дружба*), В.В. Воробьев (*всеединство, соборность, всемирная отзывчивость*), Л.Г. Гынгазова (*жизнь, смерть*), Г.С. Елизарова (*совесть, ответственность*), Г.В. Калиткина (*война, время, праздник*), В.А. Маслова (*совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина*), С.М. Поздеева (*жизнь, болезнь, смерть*), Г.В. Сарычева (*любовь, работа*), М.Г. Шкуропацкая (*душа*), А.Д. Шмелев (*дух, душа, свобода, воля, простор, позор*) и др. Объединяет исследуемые имена то, что они номинируют сущностные составляющие картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью и для отдельной языковой личности, и для лингвокультурного общества в целом (В.А. Маслова, 2001, Г.В. Сарычева, 2006).

В работах ученых эти имена получают различные терминообозначения: *ключевые слова, культурные доминанты, константы культуры, ключевые концепты культуры, ключевые понятия*. В данном исследовании мы определяем их как *базовые понятия*⁴, интериоризирующие культурный опыт.

В фокус лингвокультурологических исследований чаще всего попадают языковые объективации духовных культурных ценностей и категорий, но это

---

⁴ Кумуляционной базой социального опыта являются мировоззренческие универсалии (категории), определяющие специфику мировидения, в системе координат которых человек оценивает, осмысливает и переживает действительность. К числу таких категорий традиционно относят *пространство, время, движение, вещь, отношение, количество, качество, меру, человека, общество, добро, зло, красоту* и др. (Философский словарь, 2001). В основе их лежат универсальные, обязательные для всего общества понятия (А.Я. Гуревич, 1984). Понятие – мировоззренческая категория, одна из форм отражения, итог познания предметов некоторого класса (Языкознание, 2000), система знаний, фиксирующаяся в различных языковых формах и составляющая смысл соответствующих языковых единиц (Философский словарь, 2001).

не отменяет значимости обращения к языковым репрезентациям категорий материальных. Именно продукты бытовой человеческой деятельности становятся вечными материальными ценностями, смыслопорождающими структурами, определяющими миропонимание (Г.В. Евсюкова, 2001).

Настоящая работа посвящена исследованию базового понятия народного мировидения *дом*, являющегося основной материально-духовной ценностью в жизни крестьян.

В разделе 1.3. «*Дом как конституирующее понятие народного мировидения*» представлен обзор современных этнографических, философских, культурологических, лингвистических работ, посвященных *дому*.

Дом принадлежит к числу ключевых символов, обозначает центр вселенной, освоенный, защищенный от влияния извне мир (Г. Бидерманн, 1996, Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 1999). Особой значимостью характеризуется *дом* в народной культуре, что подчеркивается различными исследователями (А.К. Байбурина, В.В. Колесов, С.Е. Никитина, А.Б. Пермиловская, И.И. Шангина и др.). Понятие *дом* включает в себя представления не только о жилище человека, но и о семье, о народе, о связи поколений, о единстве, о труде и отдыхе, т.е. охватывает всю сферу бытования человека. *Дом* являет собой модель мира, соединяющую бытовое и сакральное, выстраивающую отношения человека к социуму и к самому себе, выполняющую функции этической, эстетической оценки действительности.

Так, синтезирующий характер данного понятия обуславливает рост интереса к исследованию *дома* как интернационального локуса человеческого существования в рамках различных научных направлений антропоцентрической парадигмы.

В этнографическом аспекте представлен *дом* в работах А.К. Байбурина, Г.Д. Гачева, И.И. Шангиной и др. Проблема отношения человека к *дому* активно разрабатывается в философском (С.Н. Алехина, Ж. Бодрийяр, С.В. Климова, Е.Л. Разова и др.) и культурологическом (В.Д. Лелеко, А.Б. Пермиловская и др.) аспектах.

Известные нам лингвистические исследования характеризуются либо рассмотрением слова *дом* в контексте изучения особенностей того или иного этнокультурного общества на материале разных групп лексики (С.А. Кошарная, Н.Л. Чулкина), либо ограничиваются причислением понятия *дом* к ряду базовых культуроспецифичных концептов, констант повседневности при решении общетеоретических проблем лингвокультурологии. Комплексному исследованию *дома* в народной культуре на материале фольклорных текстов свадебных причитаний и духовных стихов посвящена работа С.Е. Никитиной «Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах» (2000). В рамках лингвофольклористики ученым осуществлено лексикографическое описание слов-концептов тематической группы *дом*.

Анализ культурологических, философских, лингвистических исследований *дома* выявил следующие важные для настоящего исследования представления о нем: является аналогом макро- и микрокосма; уподобляясь человеку/ миру по

структуре, имеет свой центр, периферию, границы; выполняет функции жизнеобеспечения, исцеления, этико-эстетическую, ритуальную, защитную, функцию социальной идентификации и др.; представляет собой дом-семью, домородное пространство, дом-мир и т.п.; конституируется вещным миром, кумулирующим и передающим из поколения в поколение мировоззренческие ценности.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о масштабности понятия *дом*, включающего в себя совокупность бытовых и сакральных представлений, что, на наш взгляд, свидетельствует о правомерности выделения понятия *дом* в качестве одного из базовых в народном мировидении. «Дом ... можно рассматривать как априорную основу человеческого повседневного существования, которую он не рефлексивует, но которая его конституирует» (Е.Л. Разова, 1997).

В разделе 1.4. «**Методика лингвокультурологического описания диалектной лексики, репрезентирующей понятие дом**» представлены положения, которых придерживается автор работы при описании бытовых и обрядовых единиц⁵.

Методика лингвокультурологического описания диалектной лексики, репрезентирующей понятие *дом*, включает четыре этапа.

Первый этап исследования представляет собой выявление корпуса единиц, репрезентирующих понятие *дом*. Прежде всего, к числу культуроспецифичных единиц относятся номинации, представляющие собой диалектные единицы, обозначающие специфические реалии крестьянского быта. Так, в зону исследования попадают единицы с пометой «диалектное»⁶, номинирующие жилые помещения (*круглый дом, одностопка* и др.), структурные части *дома* (*кут, цело* и др.), хозяйственные постройки (*поветь* и др.), вещный мир *дома* (*косник, ру-котельник* и др.).

В настоящем исследовании список культуроспецифичных единиц расширяется за счет включения в анализируемый материал общерусских, диалектных вариантов общерусских слов, номинирующих, жилые помещения (*изба, квартира* и др.), структурные части *дома* (*шесток, печь* и др.), хозяйственные постройки (*двор, амбар* и др.), вещный мир *дома* (*лента, платок* и др.).

Второй этап исследования представляет собой лингвокультурологический комментарий к бытовым единицам, репрезентирующим понятие *дом*.

В ходе дефиниционного анализа выявлено, что толкование значения большинства номинаций в ВС осуществляется по схеме: номинация – это «реалия», какая/ из чего «признак», предназначенная/ используемая для/ в качестве «функция». Словарь фиксирует бытовое предназначение реалий, где они пред-

---

⁵ В данной работе поддержан взгляд на лингвокультурологическое описание слова, представленный в работах Т.Б. Банковой. Подробно см.: Банкова Т.Б. Диалектное слово: материальное и духовное // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной информации. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006 (в печати).

⁶ См. Вершининский словарь: В 7 т. / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002. 7 т.

ставляют собой материальную ценность и используются для удобства человека. Контекстный анализ функционирования этих же ЛЕ позволил вычленить культурную информацию, стоящую за каждой номинацией, расширяющую дефиницию новыми характеристиками обозначаемой реалии, раскрывающими ее ценность как знака духовной культуры крестьян.

Так, лингвокультурологический комментарий к бытовой лексике в настоящем исследовании представляет собой следующую структуру: анализ дефиниции описываемого слова; контекстный анализ ЛЕ с целью вычленения семантических признаков, отражающих представления о реалии, обусловленные ее функционированием в повседневной жизни человека.

Третий этап представляет собой лингвокультурологический комментарий к обрядовой лексике, представляющий собой трехуровневую структуру: интерпретация значения, обусловленная системно-языковыми связями анализируемого слова; интерпретация значения, обусловленная культурной семантикой, прочитываемой на невербальном уровне; толкование обрядового слова, в большинстве случаев представляющее собой указание функции номинируемой им реалии, что фиксируется конструкциями «...с целью...», «...в качестве...» (схема толкования предложена Т.Б. Банковой (1998)).

На четвертом этапе осуществляется систематизация материала путем построения различных классификаций.

Рассмотрим методику лингвокультурологического описания на примере ЛЕ *лента*. В ВС значение слова *лента* – ‘узкая полоса ткани, употребляемая для украшения, отделки’. Дефиниция отражает материальную ценность реалии, используемую в быту в качестве украшения чего-либо: *Сейчас золоченой бумагой как лентой* [ВС]; *Платьице, и гребелку, и ленточку, и ботиночки только к празднику наденешь. А в будни – в чем попало* [ВС].

Контекстуальный и дефиниционный анализ выявил, что *лента* является принадлежностью женского туалета и, вплетенная в волосы, имеет специальную номинацию (*косоплетка*): *Ленточка – это когда лежит. Она, может, куда в другое место пойдет, а в косу заплетешь – косоплетка* [ВС]; *Девки одну косу плели с лентой* [ВС]; *Девушки одну косу плели, а женщины – две, ленты, косоплетки плели* [ВС]. Кроме того, *лента* маркирует статус невесты (получая специальное обозначение): *косник* ‘украшение на голове просватанной девушки, представляющее собой длинную ленту с нашитыми на ней бантами, цветами’: *Косник такой сделают. Ленты бантами наделают, и вот невеста, пока не обвенчается, все ходит с этими лентами* [ВС].

Обрядовая ЛЕ *лента* употребляется в значении ‘предмет, обозначающий путь/жизнь субъекта обряда’, модифицирующемся в зависимости от распространителей⁷. Так, обрядовое значение (далее ОЗ) рассматриваемого слова –

---

⁷ При анализе материала выделены следующие группы обрядовой лексики: предметные распространители («локусы», «вещи», «границы» и др. (неодушевленные существительные), акциональные распространители (глаголы), признаковые распространители (прилагательные), агентные распространители (одушевленные существительные).

‘предмет, обозначающий путь, используется с целью экспликации согласия’ – определяется соединением чего-либо с чем-либо, выражаемым акциональными распространителями *перевязать, завязать* и др. Например: *У жениха с невестой свечи в руках, в руках **ленточками** перевязаны* [Том.Крив.], *Свечи держали, **лентами** завязаны* [Том.Нар.]. Перевязывание свечей *лентой*, обозначает соединение путей молодых.

Дефиниция ЛЕ *лента* ‘узкая полоса ткани, употребляемая для украшения, отделки’ расширяется за счет лингвокультурологического комментария, учитывающего ее бытовое и обрядовое функционирование: *лента* является женским украшением; маркирует статус невесты (*косник*); вплетенная в волосы получает специальное обозначение (*косоплетка*); в обряде номинирует предмет, обозначающий путь, и используется с целью экспликации согласия.

Предложенная методика лингвокультурологического описания ЛЕ говоров Среднего Приобья раскрывает специфику крестьянской культуры, где духовное, материальное и сакральное синтезировано.

Вторая глава «Дом сквозь призму интерпретации бытовой лексики» представляет практическую часть исследования, основанную на анализе бытовой лексики.

В разделе **2.1. «Номинации дома: бытовое и бытийное»** представлено лингвокультурологическое описание номинаций *дома*.

Лексема *дом* является родовым обозначением жилого помещения. В ходе анализа материала выделен ряд видовых номинаций (по типу конструкции, по материалу, по размеру и др.).

По типу конструкции: *двухквартирник, двухэтажка, крестовый дом, одностопка, пятиэтажка, четырехуголка* и др. Внутренняя планировка, закрепленная в номинациях типа *крестовый дом, пятистенный дом* и др., является моделью внутрисемейных отношений. Крестьянская семья – это, как правило, семья *большая, дружная, живущая в одном доме*. Например: *Я коренна. И родилась здесь, и живем здесь. Всю жизнь живем ... целой семьей живем ... Я замуж сюда вышла. Он меня как сюда привез, мы так и живем здесь. Мне вот уже 93-й год, и всю жизнь здесь прожила. Родилась здесь и помру здесь ... Больша семья была. У меня было 10 детей, все в одном доме жили* [Том.Пар.]. Пространство одного такого большого *дома* в зависимости от способа построения делится на несколько микро-домов. Например: *Одна – избушка, пятистенный [дом], крестовый – это четыре жилия* [Том.Том.]; *Так это уж четырёхжильевый дом. Значит, четыре дома соединены* [ВС]. В таких микро-домах живет несколько поколений = микро-миров одной большой семьи. Все вместе они представляют единый *дом = семью*. Например: *Кедровые тоже верх и низ, два брата жили, пятистенный дом. Четыре стены, а это – капитальная (пятая)* [Том.Колп.].

Так, *дом* воспринимается не только как материальная ценность, но и как ценность духовная, гармонизирующая отношения нескольких поколений, конституирующая основу семейного единства: *один дом = одна семья*.

Характер номинаций: *пятистеннок, четырехуголка, шестиуголка* и др. говорит о том, что *дом* в крестьянских представлениях – это пространство, огра-

ниченное *стенами* и имеющее *углы*. Через данные признаки определяется и жилое пространство, номинируемое другими ЛЕ. Например: *Изба-то зовется с четырьмя углами* [Том.Кож.]; *Изба только четыре стены* [Том.Ас.]. Значимость углов в представлении о *доме* обуславливает культурную коннотацию единицы *угол* в качестве метонимичной номинации пространства для жилья. Например: *Меня дочь зовет жить, да я не хочу, хоть в своем угле умру. А там – кто ее знает?* [Том.Том.]. *Дом* воспринимается как наличие *своего угла*, пространства, ограничивающего субъекта от влияния внешнего мира.

Выбор номинации при указании на *дом* является либо способом идентификации национальной принадлежности хозяина *дома*, либо указанием на территориальное расположение жилища. В ходе анализа материала выделены следующие номинации *дома по национальной принадлежности*: *дом, жилище, житье, изба, избушка, колок, хата, чум, шалашик* и др. Номинации *дом, изба, избушка* и др. при указании на *дом* количественно преобладают и являются маркером присвоения статуса «свой» = *деревенский* = *русский дому* и живущим в нем. Выбор других номинаций является способом «отчуждения» объекта на следующих основаниях: чужой = территориально далекий, чужой = принадлежащий нерусским, чужой = плохой (ветхий, временный, холодный и др.), т.е. не соответствующий представлениям о «своем» *доме*. Например: *Хата у нас никто не называет, это на Украине, а у нас дом, изба* [Том.Колп.]; *Хохлы сказывают хата, а мы сказываем изба* [Кем.Юрг].

Следует отметить, что некоторые единицы могут употребляться и при обозначении *дома* русских (*житье, хата*). Например: *У нас четыре житья* [ВС]; *Три дня хату не топила* [ВС], но их употребление носит единичный характер. Употребление данных номинаций по отношению к жилищу других национальностей, обусловлено, во-первых, несистемностью использования по отношению к «своему» *дому* (*жилище, житье*), во-вторых, такими признаками реалий, как «временность», «непрочность» (*хата, шалашик*).

По материалу: *дом, изба*. Данный признак реалии не закреплен в дефиниции лексемы *дом*, но может быть эксплицирован в контексте посредством определений *каменный, деревянный, дополнений из дерева* (сосны, кедра и т.д.). Например: *В каменном дому теперь гостиница* [Том.В.-Кет.]. При этом определение *деревянный* является маркером крестьянского *дома*, расположенного в деревне, а *каменный* обозначает какое-либо государственное учреждение, расположенное в городе, либо казенное жилье. В значении же единицы *изба* признак «деревянный» является дифференциальной семой: *изба* – ‘деревянный крестьянский дом’ [ВС].

Следует отметить, что строительство *дома* и изготовление наполняющих его предметов из дерева обусловлено не только прагматическими целями (материал прочный, доступный для деревенского жителя, сохраняющий тепло и т.п.), но во многом определяется сохранившимися мифологическими представлениями о дереве как о символе жизни, о связующей нити между человеком и космосом, о средстве укоренения в мире.

По размеру: *домик, домище, домишко, избушечка, избушка, квартирка* и др. Данные номинации отражают не только указание на размер строения, но и отношение к нему говорящего. Актуализации культурной коннотации в рассматриваемых единицах способствует наличие коннотативных сем в структуре их значения. Суффиксы *-ик, -к, -ок, -ечк, -очк, -ишк* и др. являются средством формального выражения не только уменьшительно-ласкательной семантики, но и культурной семантики «свойственности». Средствами контекстной экспликации семантики «свойственности» выступают местоимения *я, мы, у меня, у нас, мы, свой*. При этом идентификация объекта как «своего» исключает его отрицательную оценку, связанную с недостаточными размерами, с хрупкостью строения и т.д.

По месторасположению. Единицы данной группы связаны с реализацией двух оппозиций:

– деревня/ город (= свое/ чужое пространство): *дом, изба, квартиренка, пятиэтажка* и др. Например: *Говорят, в новом доме квартиру дадут* [BC], *Сам прописался в городе, у их там квартиренка была* [BC];

– деревня/ лес (= обжитое/ необжитое пространство): *балаган, дом, избушка* и др. Например: *Мы так дом зовем. Избушка – если в лесу сделана, охотничья* [Том.Колп.]; *Нет, там на телегах спали и балаган изделаешь. Балаган. У кого избушечки настроены, у кого домики настроены, которые все спали на полях* [BC]. Употребление номинации *балаган, избушка* по отношению к жилищу в лесу обусловлено такими признаками реалий, как «временность», «непрочность», «маленький размер».

Если появление единиц второй подгруппы обусловлено только пространственным противопоставлением объектов, то единицы первой подгруппы получают культурную коннотацию посредством актуализации семантики «свойственности» – «чуждости» и могут быть включены в состав следующей группы номинаций на основании противопоставления *свой/ чужой = городской*.

По отношению субъекта к помещению (*свой/ чужой = городской = казенный = купленный*): *квартира, казенка, фатерка* и др. Анализ материала показывает, что при указании на городское жилье чаще всего используются номинации *квартира, квартиренка, казенка*. Квартира в городе квалифицируется как *казенная* (данная государством), *купленная, снимаемая*, что нарушает крестьянское представление о *доме* как о построенном самостоятельно объекте, принадлежащем одному хозяину (тому, кто строил).

По пригодности к жилью. Данная группа номинаций актуализирует только практическую пригодность жилых помещений как материальных объектов:

– временные жилые постройки: *барак, времянка, квартира, сруб* и др. Например: *Времянка – холодное помещение для лета. Зимой им уже не пользуются* [Том.В.-Кет.];

– дополняющие основную конструкцию жилые постройки: *прируб, пристройка* и др. Например: *Прируб – это добавлял себе кухню и прихожую. А дом срубил, жил в нем, показалось мне мало, я сделал прируб* [BC];

– ветхие жилые постройки: *избушонка, халупа* и др. Например: *У кого какие халупы были, в них и жили, это сейчас вот дом какой отстроили* [Том.Шег.].

Данные признаки вычленяются в ходе дефиниционного и контекстного анализа.

При указании на строение для жилья превалирует номинация *дом*. Выбор других номинаций каузирован экстралингвистическими причинами (месторасположение объекта, его размер, тип конструкции, материал, национальность живущих в *доме* людей, отношение субъекта к помещению, пригодность к жилью и др.).

Раздел 2.2. «*Свой*» *дом как жизнеустройство*» посвящен выявлению системы представлений о «своем» *доме*.

Дом – это особый обжитый мир, уклад жизни, средоточие традиций. Однако не любое жилище может быть названо *домом*. *Домом* объект становится только тогда, когда человек его обживает, окультуривает, т.е. делает «своим». Созидание *дома* – есть идея жизне-устройства: отражение внешнего и внутреннего миров, выстраивание «своих» = субъективных ценностных позиций, этических, эстетических ориентиров.

В ходе анализа функционирования бытовой ЛЕ *дом* (и других его номинаций) выделены следующие признаки «своего» *дома*:

Наличие семьи + Обжитость предками. Крестьянский *дом* – это, прежде всего, семья. Подтверждает эту мысль то, что одно из значений ЛЕ *дом* – ‘семья, люди, живущие одним хозяйством’: *Три, четыре дома – компания* [Том.В.-Кет.]; *Мы зятя в дом брали. Из Луговской он* [Том.Пар.].

Представление о *доме* как о семье, связано с представлением о *доме* как о месте, где живет уже несколько поколений, что в высказываниях выражено через указание возраста/давности постройки: *Тесом дома крыли. Тес из сосны. И дома тоже из сосны ставили. Лет сто стояли дома и хоть бы что. Руками пилили* [Том.Зыр.]; через аналогию со своим возрастом: *Я родилась в 1908 г. В этом доме все время живу* [Кем.Мар.]; через указание на принадлежность *дома* в прошлом своим предкам: *Этот дом еще мой отец завел. Здеиные мы. Родились здесь и умрем здесь* [Том.В.-Кет.]; *А живу я тут давно. Дому только этому около ста лет. Я замуж сюда вышла, а хозяин мой здесь и родился. И мать его тоже сюда замуж выходила* [Том.Шег.].

Наличие хозяйства (*дом* с предметами домашнего обихода, приусадебный участок, постройки, скот и т.п.). Наличие «своего» хозяйства является важной составляющей *дома*. Подтверждает эту мысль то, что одно из значений ЛЕ *дом* – ‘хозяйство’: *Одни отдыхают всю жизнь, а я пошла на пенсию – сразу водиться стала. Надо и огород обиходить. Раз не работала, весь дом на меня свалили* [Том.В.-Кет.].

Значимость хозяйства в представлениях о «своем» *доме* эксплицируется употреблением ЛЕ *хозяйство* в значении ‘крестьянский дом с предметами домашнего обихода, приусадебным участком, постройками, скотом и т.п.’.

Единица *хозяйство* может иметь имплицитный статус, выражаясь перечислительной конструкцией типа: номинация строения для жилья/ его частей + номинации хозяйственных построек/ их частей + номинации вещного мира *дома*. Например: *Дома-то у нас хороши были. Восьмиугольный, с подвалами. Первый этаж – кухня, второй – горница. Подвал и верх... Это баня вон там у*

нас, а это сарай, дрова там, чтобы дождь не намочил. А вон там дворик под скотину, когда выгоняли. А вон там избушка, на одной половине мы вроде готовим там всякое и скотине, и себе, а там вон дальше и курицы, и поросята [Том.Пар.] (дом = (хозяйство) = подвалы + кухня + горница + подвал + верх + сарай + дрова + двор + избушка + курицы + поросята).

Значимость хозяйства в представлениях о «своем» доме подтверждают и словообразовательные связи лексем дом. Формант дом входит в мотивировочную базу ЛЕ домашность, номинирующую различные виды хозяйства. Например: *Я в колхозе не работаю: занимаюсь **домашностью*** [Кем.Мар.]; *Вся **домашность** осталась: коровы, нетель* [ВС].

Дефиниционный анализ бытовых номинаций хозяйственных построек/ их частей + номинаций вещного мира показывает картину внутренней и внешней планировки крестьянского дома. Особенностью представлений о «своем» доме является четкое определение месторасположения и функций каждой его составляющей. Толкование значения большинства ЛЕ в ВС осуществляется по схеме: ЛЕ – это «реалия», какая/ из чего «признак», расположенная «место», предназначенная/ используемая для/ в качестве «функция». Например: *амбар* – ‘холодное строение для хранения муки, зерна и т.п.’. Таким образом, каждая составляющая дома является функционально обусловленной и, принося пользу, становится эстетически маркированной (полезная = нужная = хорошая = красивая) (С.Э. Мартынова, 1992), формируя систему эстетических координат крестьянского дома.

Внешняя и внутренняя планировка является отражением не только эстетических представлений о крестьянском доме, но и представлений о модели социальных отношений. Часть дома, где стоит печь, считается женской половиной. Например: *У кого есть русская печка, она отделяется от стены. Вот это и зовут запечек, за печкой ... ухват, белилка, что хочешь положи или поставь. Хозяйка знает, что ей лучше там ставить* [Том.Зыр.]. Единица запечек обозначает пространство в доме со всем его содержимым, хозяйкой которого является женщина. Или: *Вечером долго сидели, вставали рано. Кто его знает, как петух сплет. Надо все управить было. Мужики женско дело не делали. Воду носить – я, пол мыть – я* [Том.В.-Кет.]; *А я домохозяйкой все была. С детьми все. Всю жизнь в кухне провела. Муж у меня рыбачил. Так уйдет на неделю, на месяц. На рыбалку раньше далеко уезжали. А я дома, помаленьку* [Том.Пар.]. Номинации манипуляций с хозяйственной утварью получают определение женское дело, женщина хозяйничает на кухне (домохозяйка, в кухне), что также эксплицирует оппозицию «мужской» – «женский», проявляющуюся во внутренней планировке жилья и в перечне функций членов семьи. Еще: *Мужскую работу работали и женскую делали. Все равно по домашности. Встанешь, сено подаешь* [Том.Колп.]; *Мужики ... они рыбачили. А женщины по домашности все делали. Так жили хорошо!* [Том.Колп.]; *Мужики-то по домашности ничего не помогают* [Том.Пар.].

Гендерное разделение пространства дома эксплицируется и ЛЕ домашняя хозяйка, домохозяйка, домработница, номинирующими женщину, занимаю-

щуюся домашним хозяйством, ЛЕ *доможитка*, *доможирка*, номинирующими домовитую женщину. Например: *Не на работе, так, считай, сами по себе, домохозяйки. И на день хватало, и скот держали, и за скотиной надо управиться, и наварить, и ребятишки* [Том.Пар.]; *Сноха у меня така доможитка, прямо на радость* [ВС]. Номинации *домохозяин* в значении 'глава крестьянского дома' носят единичный характер: *А потом месяц не дослужил и уволили: домохозяин как* [ВС], значение 'мужчина, занимающийся домашним хозяйством' нами не зафиксировано. Так, в восприятии носителей диалекта *дом* является женским пространством.

Крестьянский *дом* является не только моделью гендерных отношений, но и отражает жизненный уклад. Например: *Изба – тут стряпка и обед, а горница – там гостятся, отдыхают* [Том.Кож.]. Крестьянский *дом* представляет собой единство материального и духовного: *изба* (*жилье, кухня*) = пространство для выполнения хозяйственных дел, в нем стоит печь (+ женское пространство), *горница* = пространство для приема гостей, отдыха. Например: *В избе печь, а горница светлее, чище* [Том.Шег.]; *Изба – кухня, а горница – комната, где мебель хороша* [Том.Том.].

Все «свое» (сделанное своими руками).

В ходе анализа сочетаемости номинаций *дома* с прилагательными выделены следующие основания для его характеристики: размер, материал, тип конструкции, возраст конструкции, ее состояние.

Прилагательные, характеризующие *дом* на перечисленных основаниях, указывают на материальную ценность, практическую не/пригодность объекта.

Отдельную группу составляют прилагательные, характеризующие *дом* по его принадлежности пространству города/ деревни, где определяющей оказывается оппозиция «свой» – «чужой».

На наш взгляд, возможно расширительное толкование значения ЛЕ *дом*, где *дом* – это не только конкретное строение для жилья, но и пространство родной деревни, противопоставляемое городу = не-дому. Доказательством служат наречия, образованные от существительного *дом* (*дома, домой*), сохранившие не только значение 'у себя в доме; в своем жилище, хозяйстве, семье', но и 'в родных местах, на родине, в деревне'. «Быть как дома» можно и не обязательно «в доме», т.е. в здании, но всегда чувствовать себя равным со всеми остальными обитателями дома, одним из близких» (В.В. Колесов, 2000). Например: *Она никуда не ходит, все дома с матерью* [ВС]; *Мы фуфайки здесь узнали, у нас дома, на родине не было* [Том.В.-Кет.].

Противопоставление «своего» и «чужого» = городского = в городе *домов* осуществляется по следующим признакам: 1) наличие семьи – отсутствие семьи; 2) обжитость предками (все родное) – имплицитное выражение отсутствия данного признака; 3) наличие хозяйства – отсутствие хозяйства; 4) все «свое» (сделано своими руками, хорошее, чистое, крепкое и т.п.) – купленное, данное государством/ имплицитное выражение отсутствия данного признака. Значимо то, что данная схема подтверждает признаки «своего» крестьянского *дома*, выделенные в настоящей работе. Например: *Меня дети к себе зовут в город. Там*

все есть: и квартира, и магазин под боком, все. Здесь-то я всю жизнь прожила: все мое, все родное. Здесь и мужа схоронила. Здесь все подруги, все уж родными стали. Не хочется и все. Да и куда хозяйство-то дену. Все у меня есть, и корова с молоком. Все свежее [Том.Ас.]; Вот у нас один только в городе внук. А второй-то вот в этом доме-то. Ведь лучше. Он, знаете что, он больше работает, но он лучше всех живет. Потому что у них все свое, а там все кули [Том.Крив.].

Городской дом получает следующие определения *новый, казенный, государственный, благоустроенный*. Дом в городе чаще всего номинируется ЛЕ *квартира* и получает определение *благоустроенный*. Один из главных признаков, отличающий *благоустроенный дом* – отсутствие *печи*, являющейся основой *деревенского дома*. Данный признак продуцирует восприятие *благоустроенной квартиры* как *холодной/каменной* (ср. дом в деревне = *теплый/деревянный/с русской печкой*).

Благоустроенная квартира не предназначена для разведения хозяйства, у нее общий вход и площадка, маленький размер которой исключает ее функциональную пригодность (*площадочка, некуда поставить*) (ср. с *деревенским домом*, в котором у каждой части, у каждой вещи есть своя функция). Нет у *благоустроенной квартиры* и таких признаков *деревенского дома*, как наличие хозяйственных построек, двора, отграничивающего пространство «своего» *деревенского дома* от «чужих» *деревенских домов* соседей.

Кроме того, если *деревенский дом* квалифицируется как принадлежащий живущему в нем/построенный им (*свой, мой, наш* и др.), то *благоустроенный* характеризуется как принадлежащий государству, что находит выражение в определениях *государственный/казенный*. *Государственный дом*, как правило, получают, а не строят сами. Например: *Дочка сейчас квартиру получила там*. Ну, как сказать, в *тем краю*. И внук там, и сын. Все в одном доме, только по разным подъездам [Том.Пар.]; В городе *квартира казенная тоже* [ВС].

Анализ материала показывает, что выбор номинации *дома* и его характеристика по всем из перечисленных оснований определяется в зависимости от квалификации объекта как «своего» или «чужого».

«Свой» дом репрезентирует систему представлений о *доме* в народном мировидении. Это и строение для жилья, и семья, и хозяйство, и предметы домашнего обихода. «Свой» дом = *хороший, крепкий, просторный, старинный, большой, светлый, теплый*. Например: *Мы хорошо жили, дом крепкий, хозяйство большое* [Кем.Кем.]; *А у нас поднавес во всю ограду был, хорош. У нас дом хороший, избов много* [Том.Том.]; *А собака у меня дома хорошая, Соболь зовут. А печь у нас настоящая, русская* [Том.Зыр.]. «Свой» дом наполнен вещами, которые также характеризуются как свои = сделанные своими руками = красивые = хорошие: *Вот этот половик еще я ткала, еще мой. Этот половик во всю комнату был, большой. Красивый был, да сколько лет уж* [Том.Том.].

Так, «свой» дом является не только материальным оберегом (*дом* как место жительства со всем имуществом, хозяйством), но и духовным – как средоточие семейных связей, ценностей. Маркер «свой» является не только обозначением

принадлежности, но и своего рода защитой, еще одной, но уже ментальной границей/ оградой вокруг *дома*.

В третьей главе «*Дом сквозь призму интерпретации обрядовой лексики*» на основе анализа обрядовой лексики выявляются представления о *доме* как о сакральном пространстве.

Анализируемый в работе материал представляет собой культурную ценность как факт вербализации народного сознания. Информация об обрядах составляет часть «живой» коммуникации диалектоносителей. Особенностью включения обрядовых повествований в речь является почти полное отсутствие их интерпретации. Этот факт, на наш взгляд, ломает восприятие обрядовой лексики как устаревшей. Для диалектоносителей данный пласт лексики находится в активном запасе. Знание обрядовой жизни является необходимой составляющей крестьянской жизни. Оно передается из поколения в поколение не только в устной форме, но и посредством личного участия в обрядах.

Обряд в народной культуре выполняет функцию мироустройства. Именно в обрядовом процессе закладывается «фундамент» будущей жизни человека, его отношения к себе и к окружающим. Происходит акт передачи не только материальных, но и духовных ценностей пока еще «чужому»/ новому субъекту, осуществляется наделение его статусом «свой».

Во время обряда взамен старой конструируется новая идеальная жизнь, при этом условием успешной реализации прогнозирующей, обереговой, исцеляющей и др. обрядовых функций является не только четкое соблюдение последовательности действий с ритуальными предметами, но и строгая закреплённость обряда за определенным локусом. Именно *дом* как воплощение представлений о семье, о мире, как жизне-устройство, как средоточие материальных и духовных ценностей становится центром проведения обрядовых действий, цель которых – вписать обрядовый субъект в сложившуюся систему отношений, наделить его веками нажитой крестьянской мудростью, заложить основы его дома = микро/ макрокосмоса, дома = семьи, дома = мира.

Лингвокультурологическое описание позволяет вычленив подобную культурную информацию, стоящую за каждой обрядовой ЛЕ.

В разделе 3.1. «*Номинации обрядовых локусов*» анализируются обрядовые единицы *баня, дом, изба, подклет*, принадлежащие к предметным распространителям «локусы» и транслирующие ОЗ ‘сакральное место проведения обрядового действия, обозначающее макро/ микрокосмос’.

Обрядовые единицы *дом, изба* являются синонимами и номинируют основной локус проведения обрядового действия. Возникновение ОЗ связано с переосмыслением бытовых признаков реалий, номинируемых единицами: завершенностью конструкции *дома/ избы* и их функциональной принадлежностью = ‘для жилья’. Данные признаки ассоциируются с космологической завершенностью *дома*: центр, место жизни одной семьи = центр макро/микрокосмоса. Жизнь в конкретном пространстве является аналогом будущей жизни вообще. Здесь путем манипуляций с предметами в различных частях *дома* обрядовый субъект прогнозирует будущую жизнь. Так, например, первые этапы свадебно-

го обряда обязательно проходят в доме: *Зашли они в избу, сватать хотели* [Том.Том.]; *Родители жениха сами выбрали ему невесту и ехали ее сватать. Как только они приезжали в дом к невесте, то она уходила в другую комнату* [Том.Ас.]. ОЗ единиц *дом, изба* – ‘сакральное место проведения обрядового действия, обозначающее микрокосмос, способствующее установлению контакта сватающих с семьей/ миром невесты’ – определяется семантикой глаголов ‘прибыть куда-либо, достичь какого-либо места’, т.е. установить контакт физический = проникнуть в зону «своего» пространства живущих в нем. *Дом* определяется как невестин (*к невесте*), проникновение в него способствует установлению контакта *семьи = мира жениха* и *семьи = мира невесты* и прогнозирует успешное завершение обрядового действия.

Функционирование рассматриваемых единиц в системе обряда характеризуется отсутствием признаков распространителей. Исключение составляют фрагменты свадебного текста, представляющие этап перехода невесты в *дом жениха*. Здесь единицы *дом, изба* определяются распространителями *чужой, женихов, к жениху* и т.п. Не функционируют в качестве обрядовых и номинации *дома*, выделенные в первой главе настоящего исследования (*двухквартирник, одностопка* и др.).

Обрядовыми синонимами единиц *дом, изба* (в значении ‘сакральное место проведения обрядового действия, обозначающее макро/микрокосмос’) являются единицы *баня, подклет*. ОЗ данных лексем обусловлено бытовыми функциями, признаками реалий, ими номинируемых.

В разделе 3.2. «*Номинации границ дома*» анализируются единицы, называющие границы *дома*. По функции и месторасположению обозначаемых реалий они делятся на две группы: номинации внешних границ (*ворота, крыльцо, окно, порог, сени*), номинации внутренних границ (*матка, передний угол, пол (подполье)*).

Единицы *ворота, крыльцо, окно, порог, сени* входят в предметные распространители «границы» и употребляются в ОЗ ‘внешняя граница *дома*’, формирование которого связано с бытовыми значениями ЛЕ ‘отверстие для входа/ выхода в дом’, ‘пространство перед входом в дом’. Части *дома/ двора*, номинируемые этими единицами, обозначают промежуточное пространство между *домом* и *улицей/ двором*, где могут находиться как «свои», так и «чужие».

При анализе обрядовой семантики единиц данной группы значимо обращение к агентным распространителям. В формировании ОЗ обрядовых ЛЕ важную роль играет оппозиция «свой» – «чужой», значимость которой обусловлена представлением о свадьбе как о борьбе семьи жениха и семьи невесты (Л.Н. Виноградова, Г.И. Кабакова). Так, в ходе анализа обрядовой лексики выявлены три группы ЛЕ, номинирующих агентов (номинации субъектов обряда, вступивших в новые семейные отношения, номинации зрителей/ помощников, номинации активных субъектов обряда, выполняющих специальную обрядовую функцию), каждую из которых можно разделить на обозначения «своих» и «чужих». Статус субъекта, преодолевающего границу, определяет выполняемые им действия и ОЗ предметных распространителей «границы *дома*». Рассмотрим формирование ОЗ ‘внешняя граница *дома*’ на примере единицы *ворота*.

ВОРОТА. Если границу преодолевает жених (его агенты = представители «своих»), то значение модифицируется: ‘граница-преграда, преодолеваемая женихом с целью установления контакта с представителями мира невесты’. Например: *За невестой посылали дружку со свахой, подъезжали к воротам и выкупали* [Кем.Мар.]. ЛЕ *ворота* может быть интерпретирована и с позиции невесты (ее агентов = представителей «своих»): ‘граница-защита, воздвигаемая представителями невесты на пути жениха (его агентов)’. Например: *Перед свадебным поездом ворота заламывали. Это, значит, закрывали и подпирали их, невесту жениху сразу не отдадут, пусть выкупит сначала* [Том.Шег.]. Значение данных слов определяет не только оппозиция «свой» – «чужой», но и оппозиция «открытый» – «закрытый» (Т.В. Цивьян), эксплицируемая акциональными единицами: действия представителей невесты обусловлены бытовым значением ряда глаголов ‘закреть’ = обозначить границу (*закрывать, заламывать, подпирали* и др.); действия представителей жениха определяются бытовым значением ряда глаголов ‘открыть’ = преодолеть преграду (*открывать, стучаться* и др.) и направлены на устранение ее за плату (*выкуп, откуп, подарки* и др.).

Единица *ворота* обозначает не только границу-преграду/ защиту, но и невесту (наличие/ отсутствие девственности). Возможность прочтения предметных распространителей «границы» в аспекте экспликации наличия/ отсутствия девственности у невесты подтверждается культурной интерпретацией. Так, у А.К. Байбурина прохождение жениха через ворота означает скорое прощание невесты с девственностью (1983). Например: *Свадебный поезд едет, перед ним ворота заламывают, выкуп просят. Самогона там или водки* [Том.Том.]. Акциональные распространители интерпретируются в соотношении с оппозицией «целое» – «дырявое»: *закрытые ворота* = наличие девственности, *открытые ворота* = предстоящее прощание с девственностью. Подтверждением являются акциональные единицы со значением ‘напоить’ (*выпить, подать (рюмку), пропить* и др.). Их ОЗ – ‘действие, выполняемое с целью экспликации завершения какого-либо этапа’. Завершение обряда выпиванием обозначает предстоящий переход невесты из статуса девушки в статус женщины.

Включение единиц *матка, пол (подполье), передний угол* в число «внутренних границ дома» не связано с физическим преодолением каких-либо препятствий при передвижении, а обусловлено бытовыми функциями реалий как основ конструкции дома (*матка, пол, подполье*) и жизнеобеспечивающих центров (*передний угол*).

Рассмотрим формирование ОЗ ‘внутренняя граница дома’ на примере слова **МАТКА.** ОЗ единицы *матка* – ‘внутренняя граница дома; пребывание под ней прогнозирует успешность установления контакта между обрядовыми субъектами мира «своих» и мира «чужих»’. Особенностью реализации данной единицы является ее прямая интерпретация в некоторых контекстах. Например: *Да, раньше примета така была. Под матку встают, чтобы высватать* [Том.Зыр.]. Так, расположение под *маткой* маркирует статус пришедшего, является невербальной экспликацией цели визита. Например: *Садятся под матку, пришли посвататься за дочку, она согласна пойти, благослови. Братовьям вино приносят, собирают родню* [Том.Крив.].

Формирование ОЗ связано с бытовой функцией матки – деление *дома* на две половины (избу/ горницу, часть у порога/ красный угол). За матку, к столу, где обычно собирается вся семья, приглашают только «своих». Так, если сватающих сдают за стол, это означает присвоение им статуса «свой» и согласие семьи девушки на брак. Например: *Ходил, сватал. А высватал меня в третий раз. Приехал ... с сестрой, меня аж как колыхнуло. Сестра напротив матки стоит. Меня аж жаром бросило ... За стол, да и высватали* [Том.В.-Кет.].

В разделе 3.3. «**Номинации вещного мира дома**» представлено лингвокультурологическое описание обрядовых единиц, номинирующих вещный мир *дома*, и их классификация.

Описание понятия *дом* в народной культуре требует обращения к анализу лексики, репрезентирующей вещный мир *дома*, поскольку *дом* – это, прежде всего, вещи, его заполняющие. Анализ бытовых ЛЕ, номинирующих предметы крестьянского быта, выявил, что каждый из них представляет собой не только материальную, но и духовную основу *дома*.

Интерпретация ОЗ «вещных» ЛЕ репрезентирует сакральную значимость предметов домашнего обихода, обладающих функцией прогнозирования материальных и духовных основ жизни.

Классификация «вещных» ЛЕ осуществлена по функции обозначаемых ими предметов в *доме* = обрядовом пространстве. Выделены единицы с ОЗ ‘согласие’, ‘оберег’, ‘граница’, ‘будущая жизнь’, ‘невеста/ девственность (наличие, отсутствие, прощание)’, ‘дары’ (пожелание). Рассмотрим некоторые из них.

Единицы с ОЗ ‘согласие’. Данную группу составляют ЛЕ, номинирующие предметы, выполняющие функцию экспликации согласия в обрядовом действии: *кольцо, лента, платок, полотенце, полушалок, самовар, стол, шаль* и др. ОЗ названных единиц определяется ментальным и физическим соединением чего-либо с чем-либо, что выражается акциональными распространителями. Рассмотрим формирование ОЗ на примере единицы *самовар*. **САМОВАР.** ОЗ слова *самовар* – ‘предмет, использующийся в ходе обрядового действия в качестве экспликации согласия’. Употребляется в сочетании с акциональной единицей (*по*)*ставить*, что означает ‘согласиться на брак’. Формирование обрядовой семантики связано с бытовыми функциями реалии. Наличие самовара в *доме* является показателем благополучия семьи. Он обязательно ставится на стол во время приема гостей (И.И. Шангина). Приглашение к столу маркирует присвоение гостю статуса «свой». Например: *Собираются сперва, советуются, пьют маленько. Своих приглашают на совет, заходит сваха, садится под матку. Спрашивают невесту, желает ли пойти, если желает, то ставят самовар, чаем угощают* [Том.Пар.]. Сватовство невесты проходит в *доме* ее семьи. Для них это «свое» пространство. Присутствовать в *доме* во время данного этапа могут только избранные, что в данном примере обозначено маркером *своих*. Пришедшие вместе с женихом находятся в промежутке от порога до матки. Почетное место под маткой занимает сваха. При согласии родственники жениха приглашаются к столу. Так, пересекая символическую границу *дома*, они становятся «своими», а родственники невесты (или сама невеста) в подтверждение согласия ставят самовар.

Единицы с ОЗ ‘граница’. Обряд характеризуется высокой степенью актуализации пространственных границ. При этом значение ‘граница’ реализуется как в номинациях внешних и внутренних границ *дома*, так и в номинациях вещного мира (*веревка, зеркало, лавка, скамейка*). Формирование ОЗ связано с переосмыслением бытовой семантики ‘перегородить, помешать движению’ их акциональных распространителей. Рассмотрим формирование ОЗ на примере единиц **ЛАВКА, СКАМЕЙКА**, являющихся обрядовыми синонимами. Если такие границы, как *дверь, ворота, веревка* и др., преодолевает жених, то манипуляции с *лавкой, скамейкой* осуществляет невеста (т.к. находятся они в «своем» пространстве *дома* ее семьи). Поскольку лавка в мифологических представлениях обозначает путь (А.К. Байбурин), то перепрыгивание через нее пересекает = прерывает путь-дорогу девушки и кладет начало дороге молодухи (М.Л. Житникова, 2006). Следовательно, ОЗ ЛЕ *лавка/ скамейка* – ‘предмет, используемый в качестве обозначения границы «своего» – «чужого» миров’, а *поставить скамейку* = обозначить границу, которую должна преодолеть девушка, сделав выбор. Например: *Вот придут невесту сватать сваты. Вот ставят скамейку. Скамейку поставили. Невеста выходит из-за стола. Был обычай: если она через скамейку перескочит, значит согласна* [Том.Зыр.].

Единицы с ОЗ ‘невеста + девственность (наличие, отсутствие, прощание)’. Этап установления «честности» – «нечестности» невесты является кульминационным моментом свадебного обряда, девственность невесты и ее утрата получают многократное кодирование. Анализ материала выявил, что чаще всего в данном значении функционируют предметные распространители «Посуда/хозяйственная утварь». «Честную невесту чествуют «целой» посудой, а «прогулянную» – «битой» (Г.И. Кабакова, 2001). Значимыми здесь оказываются акциональные и признаковые распространители. Отсутствие девственности сопровождается отрицательной оценкой выраженной маркерами *плохая, нечестная, свободная, прогулянная, без дна* и др. Например: *Ладно хорошая девушка, а если плоха, то корыто разбито лежит. Тогда если девка нечестная выйдет, бездонную рюмку берут* [Том.Мол.]. Однако определяющей является система акциональных распространителей. Например: *чествовать: бить* (посуду/стекло), *ставить* (целую посуду) и др. *На стол **ставят** бутылку, если девка хорошая была* [Кем.Мар.]; *наказывать: бить* (посуду), *хлестать* (посуду) и др. *Если самостоятельная, то такую посуду **хлестают** об пол, а если **несамостоятельная**, то **дырявые горшки*** [Том.Мол.]. Формирование ОЗ обусловлено бытовой семантикой ряда глаголов ‘сломать, разрушить целостность’.

Анализ выявил, что одна та же обрядовая номинация вещного мира может менять значение в зависимости от вида, этапа, локуса обряда (*полотенце* = статус, согласие, оберег и т.п.), одно и то же обрядовое значение может быть выражено разными единицами (*шаль, полог, платок, шапка, веник, сковородник* и др. = оберег).

Формирование значения обрядовых единиц происходит на основе переосмысления бытовых признаков, функций предмета и др. (*шаль* = шерсть = животные = богатство, счастье; *посадить под шаль* = закрыть = прекратить доступ к чему-либо = оберег) и определяется акциональными распространителями.

Приведенная классификация обрядовых ЛЕ свидетельствует о том, что в *доме* = обрядовом пространстве предметы, ими номинируемые, теряют свою материальную ценность, они не являются средством эстетической организации *дома*, не свидетельствуют о статусе их владельца. Основная их функция – прогнозирование будущей жизни обрядового субъекта. Значимо, что прогнозирование материальных благ (*посадить на шубу, встать на платок, кидать деньги, дарить подарки* и др.) направлено на конституирование духовных основ жизни = иметь свою семью, свое хозяйство, т.е. «свой» *дом*, быть хозяином в *доме* и т.п.

В **заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Проведенное исследование показало, что понятие *дом* является базовым в народном мировидении. В ходе лингвокультурологического описания бытовой лексики выявлены представления о *доме* не только как о материальной, но и как о духовной основе крестьянской жизни. Словарное толкование анализируемого корпуса бытовых единиц фиксирует практическую значимость номинируемых объектов. Лингвокультурологический анализ выявил, что бытовая лексика называет реалии, которые, входя в область «своего» *дома*, участвуют в формировании моделей *дом-семья, дом-хозяйство, дом-деревня, дом-женское пространство*, противопоставления *дом = деревня/ не-дом = город* и др.

Лингвокультурологическое описание обрядовой лексики позволило выявить систему сакральных представлений о *доме* как о пространстве, обладающем функцией прогнозирования материального и духовного «фундамента» «своего» будущего *дома* и жизни в нем. *Дом* в обряде представляет пространство, в котором привычные, ежедневные действия с какими-либо предметами приобретают масштаб космологических и носят прогнозирующий характер.

Исследование других базовых понятий народного мировидения по разработанной в настоящей работе методике лингвокультурологического описания диалектного слова представляется перспективным в плане экспликации «книжки жизни» носителей традиционной культуры.

Перечень опубликованных по теме диссертации работ:

1. *Житникова М.Л.* Вещный мир в сибирском семейном обряде (функции вещи) // Наука. Техника. Инновации: Материалы докладов региональной науч. конф. студентов и молодых ученых в 5-ти частях. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. Ч. 5. – С. 157-158.

2. *Житникова М.Л.* Идея Дома и обряд как форма мировидения // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». – Томск: Издание ТГУ, 2002. – С. 164-167.

3. *Житникова М.Л.* Вещный мир в сибирском семейном обряде: сакральное и профанное // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Материалы III научно-методической конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 18-20. *Житникова М.Л.* Единицы с семантикой

«вещь» в диалектном тексте (бытовое пространство) // Наука. Технологии. Инновации: Материалы докладов всероссийской научной конф. молодых ученых в 6-ти частях. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. Ч. 5. – С. 196-197.

4. *Житникова М.Л.* Лексические единицы с семантикой *вещь* в структуре словаря Сибирских обрядов // Материалы ХLI Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2003. – С. 30-31.

5. *Житникова М.Л.* Действенный код в анализе обрядового текста // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Под ред. А.А. Казакова. – Вып.5. – Ч.2: Лингвистика. – Томск: Издание ТГУ, 2004. – С. 50-55.

6. *Житникова М.Л.* Интерпретация кодовой системы в обрядовых текстах // Материалы XI Международной науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып.12. – С. 183-184.

7. *Житникова М.Л.* Лексические единицы *баня, подклет, овин* в системе обрядовых текстов // Материалы ХLII Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2004. – С. 5-6.

8. *Житникова М.Л.* Интерпретация кодовой системы обрядового текста как ключ к духовным традициям народа // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Материалы V Всероссийской научно-практической конф. студентов и молодых ученых. – Томск: Томский политехнический ун-т, 2005. – С. 345-346.

9. *Житникова М.Л.* Лексическая единица «вода» в системе обрядовых текстов // Материалы ХLIII Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005. – С. 8-9.

10. *Житникова М.Л.* Функционирование единиц с семантикой *дары* в свадебном обрядовом тексте // Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи: Материалы X юбилейной международной науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005»/ Сост. и отв. ред. Н.Е. Синичкина. – СПб.: САГА, 2005. – С. 49-51.

11. *Житникова М.Л.* Лексическая единица «окно» в системе обрядовых текстов // Материалы ХLIV Международной науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006. – С. 20-21.

12. *Житникова М.Л.* Народное представление о «своём» в *доме* (лингвокультурологический аспект) // Наука и образование: Материалы VI Международной науч. конф. (2-3 марта 2006 г.): В 4 ч. – Белово: Беловский полиграфист, 2006. – Ч. 3. – С. 112-114.

13. *Житникова М.Л.* Тема «дорога» в сибирском свадебном обрядовом тексте (лингвокультурологический аспект) // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной информации. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006, № 74. Июнь. – С. 20-30.